

Лучше всего не оставлять никакого впечатления, чтобы в дальнейшем наши пути больше не пересекались. На сцене раздались аплодисменты и вспышки фотокамер. Судя по всему, фотографии уже сделаны, и Гу Цинчэн собирался отвести руку, но не смог. Он напрягся и попытался еще раз, однако Цзян Чэн сжал его руку еще крепче.

Сердце Гу Цинчэна заколотилось так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Этот проклятый Цзян Чэн, неужели он собирается приставать к нему на глазах у всех?! В прошлой жизни он уже пострадал от слухов о гомосексуальности, и теперь, общаясь с любым мужчиной, он был особенно осторожен. Как говорится, один раз обжегшись, десять лет будешь дуть на воду. Тем более, если этот мужчина — такой извращенец, как Цзян Чэн!

Лицо Гу Цинчэна окаменело, он уже собирался снова попытаться высвободить руку, но Цзян Чэн внезапно отпустил его.

Его ладонь, наконец освободившаяся, была влажной от пота. Ветер, подувший на нее, принес ощущение пролады. Наконец он поднял взгляд на лицо Цзян Чэна и увидел, что тот смотрит на него, не выражая никаких эмоций. Взгляд Цзян Чэна казался странным — не таким, каким смотрят на незнакомца. В нем была скрытая страсть и едва уловимая грусть. Однако такой взгляд совершенно не сочетался с образом Цзян Чэна.

Как ни старался Цзян Чэн выглядеть джентльменом в своем строгом костюме, в нем все равно сквозила хулиганская натура. Особенно бросалось в глаза, что он не надел галстук, оставив воротник расстегнутым. На фоне других, одетых с иголки, он выглядел несколько грубовато и провинциально.

Гу Цинчэн сжал губы. Такой человек, по его мнению, мог только бросать похабные взгляды, а грусть явно не вписывалась в его образ. На сцене снова раздались аплодисменты. Гу Цинчэн помахал рукой зрителям и поспешно ретировался.

Выйдя за кулисы, он сразу же помахал рукой Сяо Тану:

— Пошли, пошли, пошли.

Сяо Тан сидел на стуле и болтал с девушкой, то ли просто разговаривая, то ли флиртуя. Девушка смеялась, как цветок на ветру. Увидев Гу Цинчэна, он тут же вскочил и, заметив, что тот уже направляется к выходу, бросился за ним:

— Эй, Чэн-гэ, еще рано уходить!

— Еще не закончилось?

— Закончилось, но тут ко мне подошли и сказали, что хотят пригласить тебя на ужин.

— Не пойду!

— Не торопись отказываться. Я все уточнил. Это просто ужин, без посторонних. Только их директор Цзян. Место рядом, в известном ресторане на берегу реки. И... — Сяо Тан улыбнулся с намеком, который Гу Цинчэн счел похабным:

— Они платят. За ужин можно получить такую сумму...

Сяо Тан уже собирался показать сумму на пальцах, но Гу Цинчэн схватил его руку:

— Ты что, считаешь меня проституткой?

— Не говори так грубо. Мы же не актрисы. Ужин — это не так уж страшно. Я уже согласился.

— Как это ты согласился? Ты спрашивал моего разрешения?

Сяо Тан с ухмылкой посмотрел на него:

— Почему бы не заработать, если есть возможность? К тому же, ты же знаешь, какие у директора Цзяна отношения с сестрицей Хун. Возможно, она скоро перейдет к нему на работу. Мы все свои. Отказать будет некрасиво, да и сестрице Хун будет неловко.

— Тан Минмин, ты совсем распоясался. Теперь уже можешь принимать заказы без моего согласия? — Гу Цинчэн снял очки и с холодным взглядом посмотрел на Сяо Тана. — Либо ты отменяешь этот ужин, либо идешь сам.

— Господин Гу, какой вы важный.

Сзади раздался голос Цзян Чэна. Гу Цинчэн обернулся и увидел, что тот, расстегивая манжеты, приближается к нему.

В голове Гу Цинчэна все смешалось, спина мгновенно напряглась.

Эта ситуация казалась знакомой. В то утро Цзян Чэн тоже был таким — смотрел на него, когда он, одевшись в ванной, пытался незаметно улизнуть. Его голос был ленивым и наглым:

— Ого, это что, после одной ночи уже не узнаешь?

Гу Цинчэн, крадущийся к выходу, замер и обернулся. Цзян Чэн был уже одет, поправлял пуговицы на манжетах, но нижняя часть его тела оставалась обнаженной. Гу Цинчэн увидел устрашающий предмет, свисавший между длинных ног, и чуть не истек кровью из носа. Он быстро поднял глаза и увидел, что Цзян Чэн смотрит на него с улыбкой:

— Ну что, поиграл и бросил?

— Иг... играл... что за игра... — Гу Цинчэн заикался от страха. — Я... я... играл...

Он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. В ванной он тщательно проверил себя, убедившись, что не допустил ошибки, и был рад, что не случилось ничего ужасного. Но теперь, услышав слова Цзян Чэна, он начал сомневаться...

Гу Цинчэн подумал, что лучше бы ему просто потерять сознание! Неужели он действительно переспал с Цзян Чэном? Не может быть! Цзян Чэн выглядел выше и сильнее его. Может, у него есть такие склонности, и он согласился добровольно?

Но он был без сознания, разве мог он сделать такое? Лицо Гу Цинчэна покраснело, он смотрел на Цзян Чэна, который неспешно надевал штаны: как это он надел штаны, даже не надев нижнее белье...

Он застыл на месте, понимая, что нужно выяснить правду. Если он действительно совершил ошибку, то должен нести ответственность. Слово «играл» было слишком вульгарным, поэтому он постарался выразиться более деликатно:

— Я... я переспал с тобой?

Цзян Чэн на мгновение замер, а затем усмехнулся:

— Ты хочешь переспать со мной?

— Нет... нет, ты же только что сказал...

— Ты хочешь переспать со мной, — Цзян Чэн, казалось, продолжал обдумывать его слова. — Ты думаешь, что сможешь?

Гу Цинчэн тут же покачал головой:

— Не смогу!

Похоже, фраза Цзян Чэна «поиграл и бросил» была просто метафорой, и ничего на самом деле не произошло. Гу Цинчэн наконец почувствовал облегчение, но его лицо уже было пылающим. Он не мог больше вести с этим мужчиной хоть сколько-нибудь разумный разговор, поэтому решил воспользоваться своим талантом — сбежать.

Да, он буквально бежал, не помня, что кричал ему вслед Цзян Чэн. Для него это было как кошмар, он стыдился даже думать об этом, не то что говорить. Поэтому он сделал вид, что ничего не произошло, и при встрече с Цзян Чэном был холоден как лед.

Иногда холодность — это просто маска. Под этим ледяным и спокойным внешним видом скрывается бурлящий вулкан.

Эти воспоминания сжали сердце Гу Цинчэна. Он больше не смотрел на Цзян Чэна, а обратился к Сяо Тану:

— Я жду тебя в машине.

— Твою машину уже увезли мои люди, — сказал Цзян Чэн. — Этот ужин ты будешь есть, хочешь ты того или нет.

Гу Цинчэн обернулся и посмотрел на Цзян Чэна.

Цзян Чэн был высоким, но и Гу Цинчэн не был низким. Он считал себя достаточно высоким — его рост был 178, но в обуви он становился чуть выше 180. Главное, его фигура была пропорциональной и привлекательной. При том же росте, если не стоять рядом, он всегда казался выше, поэтому его официальный рост был 180, и никто не сомневался. В конце концов, в шоу-бизнесе, если не прибавить пару сантиметров, стыдно даже называть себя звездой. Но когда он стоял рядом с Цзян Чэном, он понял, что значит «за горами горы, за людьми люди». Они явно были не в одной весовой категории. Гу Цинчэн казался худощавым, и вся его мужественность исчезла. Возможно, из-за того, что в прошлой жизни он пострадал от Цзян Чэна, он чувствовал, что тот оказывает на него давящее влияние, почти подавляя его.

— Что это значит, господин Цзян? Нельзя заставить быка пить воду, если он не хочет.

— Просто ужин. Я уже сделал все возможное. Не дать мне этого лица, было бы несправедливо.

— Цзян Чэн посмотрел на Сяо Тана. — Я пойду с господином Гу поужинать. Ты не нужен. Вернись к сестрице Хун и скажи, что после ужина я верну его.